

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДЕВИАНТНОСТЬ

ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР

Коллектив авторов

Глобализация и девиантность

«Юридический центр»

2006

Коллектив авторов

Глобализация и девиантность / Коллектив авторов —
«Юридический центр», 2006

Предлагаемая вниманию читателей работа – результат осмысления широко обсуждаемых в общественной науке проблем девиантности и социального контроля в условиях глобализации. Авторы выделяют несколько аспектов глобализации, связанных с социально-экономическими, политическими, культурологическими, демографическими и информационными процессами современного периода, отмечают их влияние на девиантные проявления в мире. Отдельно рассматривается глобализация социального контроля над девиантностью. В работе представлены различные точки зрения по ряду вопросов, касающихся факторов глобализации, ее криминогенных и девиантогенных проявлений. Книга рассчитана на широкую читательскую аудиторию, прежде всего – студентов, аспирантов, специалистов широкого профиля.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Глобализация и девиантность

© Коллектив авторов, 2006

© Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006

* * *

Глава 1

К постановке проблемы

Никто, я думаю, не будет оспаривать факт наличия глобальной социальной системы.

Н. Луман

Реальность является девиантной.

Н. Луман

Тема глобализации является одной из широко обсуждаемых в современных общественных науках со всеми вытекающими из ее «модности» позитивными и негативными последствиями¹.

Само понятие «глобализация» многозначно и дискуссионно. Под глобализацией понимают²:

- развитие экономической и политической взаимозависимости стран и регионов мира до такого уровня, на котором становится возможной и необходимой постановка вопроса о создании единого мирового правового поля и мировых органов экономического и политического управления;
- процесс сочленения различных компонентов человечества в ходе его эволюции в противоположность процессу дифференциации человечества;
- всеобщий обмен в масштабах человечества;
- «интенсификацию всемирных социальных отношений, которые связывают удаленные друг от друга местности таким образом, что происходящее на местах формируется событиями, происходящими за много миль отсюда, и наоборот»³;
- «процессы, в которых национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных акторов и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности»⁴; и др.

Различают глобализацию экономических, политических, социальных, культурологических, демографических, информационных и прочих процессов. Наиболее кратко глобализацию можно представить как **всеобщий (глобальный) взаимообмен** (*general global interchange*). Заметим при этом, что хотя взаимообмен и взаимопроникновение экономики, культуры, этносов происходил всегда, однако всеобщий, глобальный и «молниеносный» характер этих процессов стал возможным лишь с появлением современных средств связи, транспорта (авиации), коммуникаций. Так что «глобализация» в современном понимании могла начаться не ранее второй половины XX столетия.

¹ Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004; Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001; Многоликая глобализация / Ред. П. Бергер, С. Хантингтон. М.: Аспект-Пресс, 2004; Проблемы глобализации // Pro et Contra. 1999 Т. 4. № 4.; Чеишков М. А. Глобальный контекст постсоветской России: Очерки теории и методологии целостности. М.: МОНФ, 1999; Этнос глобального мира. М., 1999; Baylis J., Smith S. (Eds.) The Globalization of World Politics. Oxford University Press, 1997; Mitelman J. H. (Ed.) Globalization: Critical Reflection. L.: Lynne Rienner Publishers, Inc., 1997.

² Проблемы глобализации // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 4. С. 49, 114, 119.

³ Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990. P. 64.

⁴ Бек У. Что такое глобализация?.. С. 26.

В рамках нашей темы представляется важным констатация и обсуждение нескольких проблем.

Во-первых, глобализация – *объективный процесс*, развивающийся независимо от наших желаний (и даже вопреки им)⁵. Деятельность транснациональных компаний; *взаимозависимость* стран (от энергоресурсов, сырья, технологий и т. п.); мировая информационная система (интернет, спутниковая связь и др.); взаимосвязь крупнейших финансовых систем; интернационализация и интенсификация современных транспортных средств и сетей; интенсивная миграция, обуславливающая взаимопроникновение этносов и культур; использование английского языка как средства международного общения; формирование «общечеловеческих ценностей»; планетарный характер экологических проблем – все это свидетельствует о вполне реальной глобализации экономического, социального, финансового, культурного пространств. Это необходимо отметить, поскольку в российских политических кругах нередко возникает идея «противостоять» глобализации, ратовать за «многополярный» мир. Но закономерные, объективные мировые социальные процессы не зависят от воли политиков или «народа». Как пишет З. Бауман, «“Глобализация” касается не того, что все мы... хотим или надеемся совершить. Она означает то, что со всеми нами происходит».⁶

Непонимание этого лишь увеличивает разрыв между государствами – лидерами цивилизационного развития и странами-аутсайдерами, к которым относится и Россия⁷. Достаточно сказать, что к 2003 г. Россия занимала 136-е место в мире по ожидаемой продолжительности жизни (и то лишь «благодаря» женщинам – продолжительность жизни 72 года, тогда как мужчины в среднем не доживают до «заслуженного отдыха», ибо их продолжительность жизни – 59 лет – одна из самых низких в мире, наряду с некоторыми африканскими странами), 64-е место по валовому национальному продукту на одного жителя (2001 г.), 203-е место (последнее!) по коэффициенту естественного прироста, одно из первых мест в мире по смертности (16,3 на тысячу жителей, 16–17 – только в Восточной и Центральной Африке, среднемировой показатель – 9)⁸. Валовой национальный продукт на одного жителя России составил в 2003 г. всего \$8920 при среднемировом показателе \$8180, в Люксембурге – \$54 430, в США – \$37 500, в Норвегии – \$37 300, в Японии – \$28 620⁹.

Во-вторых, глобализация, как все на свете, имеет свои *позитивные и негативные* последствия. При этом «позитивность» и «негативность» *неравномерно* распределяются по странам и регионам. Параллельно с процессом глобализации (и интеграции – например, Европейский союз) идет процесс дифференциации и поляризации. Этот факт зафиксирован неологизмом Роланда Робертсона – «глокализация». «Глобальность характеризует лишь один из аспектов эволюции человечества – взаимосвязанность, взаимосоотнесенность. Наряду с этим действуют и другие механизмы – членения-дифференциации или – несколько в другом ракурсе – *диверсификации*»¹⁰. Выделяются развитые страны «золотого миллиарда» в отличие от остальных государств, включая Россию. По Уоллерстайну, мир разделился на Центр, Полу-

⁵ Как заметил Г. Явлинский, «Разговоры о глобализации... это вроде подготовки к зиме. Можно долго рассуждать о том, нужно это или нет, зима все равно придет» (Новая газета. 2003. № 60. С. 11).

⁶ Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. С. 88.

⁷ Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. С. 354–471; Постиндустриальный мир: Центр, Периферия, Россия. М.: МОНФ, ИМЭМО РАН, 1999. Сб. 1–4; Проблемы глобализации... С. 227–232, 254–265; и др.

⁸ Все страны мира (2003) // Население и общество. 2003. № 74. Август.

⁹ Доклад о мировом развитии 2005: как сделать инвестиционный климат благоприятным для всех. Всемирный банк. М.: Весь мир, 2005. С. 258–266.

¹⁰ Чешков М. Глобализация: сущность, нынешняя фаза, перспективы // Проблемы глобализации. 1999. С. 121.

периферию и Периферию. Россия была отнесена им к Полупериферии, «хотя есть уже немало признаков того, что она деградирует в направлении Периферии»¹¹.

В-третьих, происходит глобализация (интернационализация) различных форм *девиантности*¹²: проституции (*prostitutes traffic*), наркотизма (*drugs traffic*), организованной преступности, терроризма. Это вполне закономерный процесс, поскольку девиантность (ее структура, масштабы, динамика) зависит от экономических, политических, социальных, демографических и иных факторов. Глобализация девиантных проявлений и является следствием глобализации экономических, социальных, демографических (в частности, оживленная миграция населения), культуральных процессов.

Так, например, глобализация сопровождается процессом «включения/исключения» («*inclusion/exclusion*»), когда некоторые люди и социальные группы оказываются *исключенными* (*excluded*) из общественной жизни – экономической, политической, культурной¹³. «Наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего (уже текущего. – Я. Г.) столетия примет метакод включения/исключения. А это значило бы, что некоторые люди будут личностями, а другие – только индивидами, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра;... что забота и пренебрежение останутся по разные стороны границы, что тесная связь исключения и свободная связь включения различат рок и удачу, что завершатся две формы интеграции: негативная интеграция исключения и позитивная интеграция включения»¹⁴. Процесс «*inclusion/exclusion*» имеет принципиальное значение для нашей темы, поскольку «исключенные» (страны, группы, люди) служат основной социальной базой девиантности, включая преступность, алкоголизацию, наркотизацию, что осознается мировой наукой¹⁵.

Деление (раскол!) стран, социальных групп и людей на включенных/исключенных в том или ином виде, под тем или иным названием признается многими современными учеными. Так, З. Бауман, избегая термины «включенные»/«исключенные» предпочитает говорить о «туристах» (включенные)/«бродягах» (исключенные), подчеркивая, что эти группы – «два мира, два представления о мире, две стратегии»¹⁶. Иногда «исключенных» он именует «отбракованными» (*burned-out*).

Применительно к России идеи Баумана интерпретируются О. Н. Яницким: «За годы реформ уже сотни тысяч жителей бывшего СССР стали “отходами” трансформационного процесса, еще многие тысячи беженцев оказались в России без всяких перспектив найти работу, жилье и обрести достойный образ жизни. Для многих Россия стала “транзитным пунктом” на пути в никуда»¹⁷.

Но глобализация таит угрозы и для стран «золотого миллиарда», а таким образом и для всего человечества. Эти угрозы, как это часто бывает, парадоксально исходят из основ экономического могущества и процветания современной Западной цивилизации. Предоставим слово У. Беку: «Глобализация делает возможным то, что, по-видимому, всегда скрытно

¹¹ Паитин В. Рецензия на: Постиндустриальный мир: Центр, Периферия, Россия // Проблемы глобализации. 1999. С. 227.

¹² Наше понимание девиантности и девиантного поведения см.: Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юридический центр Пресс, 2004 и др.

¹³ Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. С. 140–156.

¹⁴ Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. М.: Интеллект, 1998. С. 107.

¹⁵ *Finer C., Nellis M. (Eds.) Crime and Social Exclusion. Blackwell Publishers Ltd., 1998.; Young J. The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity. SAGE Publications, 1999.* Подробнее см.: Гилинский Я. И. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды Санкт-Петербургского Юридического института Генеральной прокуратуры РФ. 2004. № 6. С. 69–76.

¹⁶ Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. С. 142.

¹⁷ Яницкий О. Н. Модерн и его отходы // Социологический журнал. 2004. № 1/2. С. 205.

присутствовало в капитализме, но на стадии его укрощения демократическим государством оставалось замаскированным: предприятия, особенно работающие в глобальном масштабе, играют ключевую роль не только в организации экономики, но и общества в целом – хотя бы уже “только” потому, что они в состоянии отнимать у общества его материальные ресурсы (капитал, налоги, рабочие места)... Транснациональные корпорации выходят из национально-государственных рамок и *de facto* расторгают договор о лояльности с институтами национального государства. По этой причине падает *внутренний* уровень социальной интеграции соответствующих стран, и падает тем ниже, чем больше он обосновывался чисто экономическими факторами. В этот коварный водоворот попадают прежде всего благоденствующие социальные государства: им приходится выплачивать кодифицированные пособия постоянно растущему числу безработных»¹⁸.

И как возможный итог – бразилизация Европы¹⁹ (почему не всего «Западного» мира?).

Не случайно, поэтому, «термин “глобализация” вызывает весьма эмоциональное к себе отношение. Одни считают, что это предвестие международного гражданского общества, начало новой эры мира и демократизации. Для других глобализация означает экономическую и политическую гегемонию Америки, в результате чего культура во всем мире станет однородной и превратится в нечто вроде метастазов Диснейленда».²⁰ Отсюда – движение антиглобалистов, протесты против всемирной «макдонализации», стихийный выплеск «исключенных» парижских пригородов и, в конечном счете – исламский фундаментализм (хотя, конечно, все не так просто и заслуживает более углубленного анализа).

В-четвертых, ответной реакцией мирового сообщества на глобализацию девиантных проявлений является глобализация *социального контроля* над девиантностью: создание и деятельность Интерпола и Европола; разработка и принятие многочисленных международно-правовых актов, направленных на противодействие организованной преступности, наркобизнесу, «отмыванию денег», терроризму; международно-правовая регламентация условий содержания осужденных в пенитенциарных учреждениях (в том числе так называемые «Минимальные стандартные правила обращения с заключенными»); распространение идеи и практики «community policing» – партнерских отношений между полицией и «коммунити» (общины, населения по месту жительства); практика «восстановительной» юстиции (*restorative justice*) и ювенальной юстиции, общемировая тенденция отказа от смертной казни и др. Одновременно исследователи отмечают усиление репрессивности полиции и уголовной юстиции, направленной прежде всего против «исключенных» («селективность» деятельности полиции и уголовной юстиции)²¹.

Некоторые криминогенные и девиантогенные факторы глобализации представлены В. В. Лунеевым (который также воспринимает глобализацию как объективную данность)²².

1. *Проблема занятости*. Глобалисты говорят о «концепции 20:80»: в XXI в. заняты будут всего 20 % населения, а 80 % окажутся «лишними». С нашей точки зрения, это парафраз концепции «inclusion/exclusion». Если 80 % населения окажутся безработными, без средств к существованию, то это – огромный резерв девиантности, включая преступность.

¹⁸ Бек У. Что такое глобализация? С. 10, 19.

¹⁹ Там же. С. 276–278.

²⁰ Многоликая глобализация. С. 9.

²¹ Евроремонт ГУЛАГ'а // Индекс: Досье на цензуру. 2003. № 18; Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия: Вперед к ГУЛАГ'у западного образца. М.: Идея-пресс, 1999; Уолмсли Р. Содержание под стражей: Глобальные тенденции // Форум по проблемам преступности и общества. Т. 3. 2003. № 1–2. С. 73–90; Robinson M. Justice Blind? Ideals and Realities of American Criminal Justice. Prentice Hall. Upper Saddle River, NJ., 2002.

²² Лунеев В. В. Терроризм и организованная преступность: национальные и транснациональные аспекты // Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический ежеквартальный альманах. 2003. № 2. С. 21–39.

2. *Проблема рынков финансовых спекуляций*. Свыше 80 % финансового капитала не имеют реального материального наполнения. Это «рынок игроков в рулетку». Финансовый крах будет все чаще сотрясать страны, не входящие в «золотой миллиард» (примеры тому – российский дефолт 1998 г., финансовые проблемы стран Восточной Азии и др.).

3. *Существенное снижение возможностей национальных правительств в управлении обществом и в обеспечении социального контроля над преступностью*. Как известно, эта тенденция отмечается криминологами со второй половины минувшего столетия.

«Мир стоит перед новым испытанием»²³. Революционализация населения в начале XX в. породила революционное насилие, сравнимое с терроризмом. Вместо принятия политических, экономических, социальных мер, правительства ответили на революционное *насилие* полицейским. В результате – победа революции в России с перспективами распространения на другие страны. «Боязнь потерять все цивилизовала капитализм». Но – ничему его не научила. И «в начале текущего столетия политические, социальные и экономические противоречия в глобализирующемся мире побуждают новых революционеров-террористов, поддерживаемых нищими и обобранными народами, к тотальной террористической деятельности против богатых и ненавистных стран и правительств»²⁴. И вновь в ответ – не решение политических, социальных, экономических проблем, а «антитеррористические» операции и *насилие* в Югославии, Ираке и др. (В. В. Лунев, очевидно, постеснялся назвать Чечню).

Кроме того – глобальные демографические диспропорции и массовая миграция. «Безысходность для населения отсталых стран (включая Россию. – Я. Г.) – серьезная социальная база радикализма и терроризма»²⁵. А также всех проявлений девиантности.

Изложенные выше соображения принадлежат руководителю проекта и редактору настоящей монографии – Я. Гилинскому. Однако среди авторского коллектива есть и иная точка зрения по вопросу глобализации, представленная В. Гольбертом. Предложим читателям и ее.

²³ Тураев В. А. Глобальные вызовы человечеству. М., 2002.

²⁴ Лунев В. В. Терроризм и организованная преступность... С. 34.

²⁵ Там же.

Глава 2

Химера глобализации: а был ли мальчик?

Вряд ли можно отрицать факт протекания процессов, элементарно соотносимых с понятием глобализации. Мы имеем счастье или несчастье быть свидетелями усиления взаимозависимости различных регионов и культур, возникновения наднациональных идентичностей, интенсификации межнациональной и межкультурной коммуникации, формирования глобального рынка и т. д. и т. п. Вместе с тем использование понятия глобализации в научных и вне научных кругах носит инфляционный характер. С его помощью пытаются объяснить и понять гораздо больше, нежели это возможно. С одной стороны, всеобщая мода на глобализацию имеет следствием то, что понятие имеет вид уже весьма разбитый и изношенный... С другой стороны, как раз расплывчатый характер понятия является причиной его популярности – понятийный контейнер, который каждый может на свое усмотрение наполнять удобным для себя содержанием. Прекрасная возможность для практически неограниченной каузальной, функциональной и прочей атрибуции самых разнообразных предметных областей контексту глобализации и для формулирования бесконечных тем исследований, симпозиумов, публикаций: семья в контексте глобализации, глобализация рынка, культурные аспекты глобализации и т. п., и т. д. К тому же концепция глобализации выгодно отличается своей простотой (говоря прямо, тривиальностью) от альтернативных теоретических предложений современности – постмодернизма, теории рефлексивного модерна, дифференциации функциональных систем.

1. *Глобализация как общее понятие.* Ссылка на концепт глобализации как объяснительную модель тех или иных конкретных процессов, феноменов, отношений равнозначна намерению объяснить их столь же универсальной, пустой и эвристически бесплодной конструкцией как «человеческая натура» или, скажем, «всемирно-исторический прогресс». Если кто-либо претендует на «исследование глобализации», не уточняя при этом, что он под ней понимает, это следует воспринимать как претензию на исследование «обо всем и ни о чем». Проблема не в многозначности понятия: это дело обычное в области социальных наук, где большинство понятий не поддаётся однозначному определению. Резонным решением проблем, вытекающих из хронической многозначности и не(до)определённости понятий, представляется предложенная Весли Скоганом идея общего понятия²⁶. Такое понятие подлежит определению в каждом конкретном случае, и определение это сохраняет значимость только в пределах данного случая. Универсального, оптимального, «более или менее точного, правильного» определения таких понятий нет и быть не может.

Если уж очень хочется воспользоваться понятием глобализации, следует в каждом отдельном случае либо самостоятельно определить это понятие, либо обосновать использование заимствованного определения. От амбициозных же попыток предложить универсальное и окончательное понятие глобализации лучше воздержаться²⁷. Научная коммуникация о глобализации возможна лишь до тех пор, пока остаётся открытым для обсуждения вопрос об её понятии. Окончательное и обязательное решение данного вопроса было бы подобно директивному определению понятий социализма, коммунизма и т. д. на очередных съездах КПСС и означало бы атрофию научного дискурса по данному предмету (или переход его в сферу «теневой науки»).

²⁶ Skogan, W. The Various Meanings of Fear of Crime // Bilsky W., Pfeiffer Ch. & Wetzels P. (Hrsg.) Fear of Crime and Crime Victimization. Stuttgart, 1993. P. 131.

²⁷ Один из примеров подобных попыток представляет собой труд Ульриха Бека по данному предмету: Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

2. *Глобализация как процесс и результат качественных изменений?* Разговоры об эпохе либо эре глобализации, равно как и информационного общества, общества сетевых структур и т. п. подразумевают некие качественные изменения, объективный факт которых отражается данными понятиями. Сомнения вызывает при этом, во-первых, качественный, во-вторых, объективный характер изменений, обычно соотносимых с понятием глобализации. О втором аспекте речь пойдёт ниже, сейчас же предстоит рассмотреть вопрос о «качественности» изменений. Таковая предполагает возможность хотя бы приблизительного хронологического отграничения от этапов, которые теперь, в результате качественных изменений, можно считать истёкшими. Оставив в стороне спорные определения глобализации как утраты дееспособности национальными политическими субъектами, обратимся к вещам столь же самоочевидным, как и то, что земля плоская или «наркотики» опаснее табака и алкоголя. Бесспорными и очевидными являются процессы интеграции отдельных национальных сообществ, культур и регионов в единое мировое целое, рост их взаимозависимости, рефлексивное осознание целостности социальных процессов в глобальном масштабе и т. п. И каким же образом мы хотим определить хронологические рамки данного процесса (учитывая, что формирование национальных сообществ, т. е. разграничение, является первейшей предпосылкой, логической и органической компонентой интеграции)? Выражаясь проще, когда началась глобализация – в эпоху Великих географических открытий? Во время описанных в «Коммунистическом манифесте» процессов интернационализации? Или, может быть, во время крестовых походов и грандиозных завоевательных волн кочевых народов Азии? На фоне этих событий интенсивное формирование глобального формата коммуникативных процессов на современном этапе выглядит в лучшем случае как один из не самых значительных шагов в данном направлении. И причём лишь в той мере, в которой мы верим в линейный характер некоего всемирно-исторического развития. В таком случае есть все основания утверждать, что глобализация протекает на протяжении всего периода существования человеческого сообщества, а в системе понятий ряда научных парадигм – и за пределами данного отрезка времени.

Представления о достижении некоего нового качественного уровня в протекании данного процесса не поддаются достаточному обоснованию даже на уровне эмпирических обобщений. Если же подняться на уровень рассуждений о понятии общества (чего социологи практически никогда не делают, считая это метафизикой и социальной философией), эти представления и вовсе теряют почву под собой. Проведём параллель между понятиями «общество» и «земная суша» либо «мировой океан». В любом случае эти понятия не сводятся к механической сумме физических частиц или частей, составляющих их эмпирические референты. В случае общества, частями и частицами будут политические, этнические, антропологические, психические и иные части, к механической сумме которых не сводится и никогда не сводилась социальная реальность. В таком случае, в любой момент существования общества (суши, океана) были все основания говорить о них как о глобальном целом, несмотря на отсутствие эмпирически наблюдаемых соприкосновений или зависимостей между отдельными их частями и компонентами, разделёнными в пространстве и времени²⁸.

3. *Глобализация – социальный феномен?* Сами по себе изменения визового режима, интенсификация миграционных процессов, развитие телекоммуникаций и т. д. являются фактами правового, технического, экономического и прочего частного или субсистемного, но ни в коем случае не социального характера. Таковыми они становятся лишь в процессе коммуникации, в котором происходит их «смысловое оплодотворение». Говорить о социальном факте глобализации можно лишь постольку, поскольку речь идёт о дискурсивных процессах, в которых конституируется понятие глобализации и происходит определенное структурирова-

²⁸ Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1999. S. 145 и сл.

ние социальной реальности на основе категорий этого понятия. Глобализация при этом понимается не только и не столько как предмет коммуникации, сколько как её процесс и продукт. Эвристическая позиция исследования в таком случае определяется как позиция «наблюдения второго порядка» или «наблюдения над наблюдением»²⁹ – наблюдения над тем, как общество наблюдает процесс собственной структуризации-дифференциации, развития и интеграции собственных подсистем, создавая и воспроизводя свою социальную ткань в ходе этого наблюдения.

Исходя из вышесказанного, представляется нецелесообразным воспроизводство в научной дискуссии «самоочевидных» концептуальных моделей, сформировавшихся в рамках «наблюдения первого порядка». Социальная наука вряд ли способна чем-либо обогатить социальную практику и занять суверенную позицию в отношении ее, если она нерелексивно употребляет элементы практического дискурса в качестве эмпирически определенных понятий и собственных аналитических категорий. Идет ли речь о глобализации, урбанизации, (де)индустриализации, преступности и т. д., вряд ли оправдан перенос этих терминов в социальную науку в том значении, в котором они употребляются в политической, идеологической и экономической и т. п. сферах. Сомнительным представляется употребление их как понятий, охватывающих однозначно определённый и инвариантный круг явлений и взаимосвязей, независимых от их восприятия и осмысления действующими субъектами. Ответ на вопрос «что есть глобализация» и понимание социальной реальности глобализации можно получить не в результате поиска неких объективных индикаторов общего и единого вектора развития цивилизации, а скорее в итоге внимательного наблюдения над тем, кто, как и почему ведет речь о глобализации.

4. Объективность глобализации. Одним из наиболее интенсивно транслируемых в научную дискуссию клише вненаучного дискурса является видение глобализации как некоего объективного процесса. Такое видение представляется несостоятельным по ряду логических и эмпирических позиций. Более того, оно деформирует научный дискурс и адекватное выполнение наукой своих социальных функций.

Во-первых, данная модель представляется слишком «самоочевидной» и тривиальной, чтобы лечь в основу научного анализа. Науке вряд ли имеет смысл заниматься изучением и обоснованием вещей, доступных для наблюдения и в силу этого известных и без применения научного инструментария. Доказывать, что процесс глобальной интеграции объективен и необратим, представляется столь же целесообразным, как и использование микроскопа в сочетании со сложнейшими техниками спектрального анализа для решения спора о том, является ли трава зеленой. Интересные прозрения имеют место скорее тогда, когда наука ставит под сомнение самоочевидные истины – вроде того, что мужчины умнее женщин, солнце вращается вокруг земли, суровость наказания обладает сдерживающим эффектом на развитие преступности, виктимный опыт коррелирует со страхом перед преступностью и т. д.

Во-вторых, тезис объективности отвечает социальному заказу субъектов, оказывающихся в выигрышном положении в результате текущего развития. Субъекты эти заинтересованы в том, чтобы представить развитие безальтернативным и не поддающимся существенным коррективам. Теневые же стороны или «цена» глобализации должны быть представлены как разумная и в любом случае подлежащая оплате под давлением «инкассо» императивов мирового развития³⁰. В своё время тезис объективности подобным образом применялся в отношении процесса продвижения к светлому коммунистическому будущему. Теневой же стороной

²⁹ Ibid.

³⁰ Речь идёт об относительном обнищании значительных масс населения, виртуализации экономики, утрате властных позиций демократически легитимизированными политическими субъектами, разрушении систем социальной помощи, социальном исключении, обострении классовых и цивилизационных конфликтов и т. д.

и разумной ценой оного являлось якобы обострение классовой борьбы и массовые репрессии в отношении тех, кто в силу различных обстоятельств не желал продвигаться в этом направлении с достаточной скоростью.

В этом свете открываются альтернативное видение соотношения «объективного содержания» и коллатеральных последствий текущих процессов. Может быть, развитие в определенных сферах географического и социального пространства за счёт энтропии в иных сферах и устранение препятствий самоприращению капитала путем безудержной эксплуатации социальных и природных ресурсов следует понимать как «объективное содержание»? Интенсификацию же межнациональной коммуникации и развитие космополитического сознания всего лишь как нечаянные побочные эффекты? Причём эффекты эти в той мере, в которой они противоречат основной тенденции развития, всемерно блокируются национальными правилами. Последние стремительно утрачивают потенциал регулирования социальных отношений параллельно с наращиванием потенциала репрессивно-карательного контроля. Данный потенциал реализуется, прежде всего, в возведении новых барьеров на пути межкультурной интеграции под предлогом борьбы с терроризмом, обеспечения национальной безопасности, предотвращения нелегальной миграции и т. д.

Объективность данных процессов можно усматривать в их недоступности целенаправленному регулированию и контролю со стороны как национальных, так и международных политических субъектов. Действительно, в руках частных лиц и транснациональных корпораций, не избираемых и не подотчётных избираемым органам, сосредоточены невиданные экономические и политические ресурсы, значительно превышающие те, что находятся в распоряжении многих национальных правительств³¹. Следует, однако, отметить, что данная ситуация явилась результатом осуществления вполне целенаправленной политики. *Объективное же бессилие* политических субъектов перед лицом мнимых и реальных экономических императивов является результатом их же *субъективных усилий* по устранению всех и вся препятствий на пути самореализации логики капиталистического развития. После чего можно резонно сокрушаться о невозможности внести какие-либо коррективы в текущее развитие в данных условиях и под давлением данных обстоятельств. На что, впрочем, можно столь же резонно предложить внести коррективы в данные условия и обстоятельства³². Для этого надо только отказаться от видения их как объективных. Тогда они предстанут перед нашим взором как искусственно созданные или сконструированные, в силу чего они с тем же успехом могут быть разрушены, реконструированы и деконструированы – идёт ли речь при этом о национальных, гендерных и прочих идентичностях или унаследованном из римского права институте частной собственности.

В-третьих, эвристически ценными представляются концепции, стимулирующие научную дискуссию, протекающую как перманентный пересмотр философских оснований самой науки³³. Такие концепции должны обладать структурирующим потенциалом, позволяющим определить собственную позицию в дискурсивном пространстве и соотнести её с иными пози-

³¹ Из этого, впрочем, вытекает новая редакция марксистского требования о внесении существенных корректив в отношении собственности. Речь идёт при этом не о том, чтобы всё поделить по-новому, а о пересмотре самого понятия собственности – не об изменении круга собственников, а об изменении того, что означают отношения собственности в духе расширительного толкования одного из параграфов Конституции ФРГ: **собственность обязывает** (ср.: Zizek S. Die Tücke des Subjekts. Frankfurt/M: Suhrkamp, 2001. S.484). Впрочем, отношения частной собственности и без всяких поправок извне претерпевают существенную трансформацию, если не кризис, под давлением императивов нового капитализма. Эти императивы исключают долговременные отношения со всем, что именно обязывает и привязывает, будь то семья, недвижимость или производственные активы (см.: Zizek S. Die Revolution steht bevor. Dreizehn Versuche über Lenin. Suhrkamp: Frankfurt/M, 2002. S. 101, 115).

³² Hall S., Critcher C., Jefferson T., Clarke J. & Roberts B. Policing the Crisis. Mugging, the State, and Law and Order. London: Macmillan Publishers, 1978. P. IX–X; Bauman Z. Die Krise der Politik. Fluch und Chance einer neuen Öffentlichkeit. Hamburg: Hamburger Edition HIS, 2000. P. 8 и сл.

³³ Alexander J. Neofunctionalism and After. Blackwell, 1998. P. 29 и сл.

циями, традициями или парадигмами. Концепция глобализации малопригодна для выполнения такой структурирующей функции – она показала себя лишь способной разделить научное сообщество на апологетов и критиков глобализации. Первые вольно или невольно оказываются по одну сторону баррикады с разного рода элитами, последние проходят различные степени стигматизации и формирования идентичности в качестве луддитов и хулиганов, отрицающих объективные закономерности развития человечества, да и всего космоса в целом. Данный принцип структурирования гораздо больше подходит для политического или идеологического дискурса, нежели для научного – он несовместим с высоким качеством процесса научной коммуникации и её результатов.

5. *О тривиальности понятия.* За примерами тривиализации науки в процессе впадения её в русло дискуссии о глобализации далеко ходить не надо. Достаточно сопоставить две работы одного из весьма модных ныне социологов – Ульриха Бека. Первая из них увидела свет в 1986 г., за несколько месяцев до Чернобыльской катастрофы. Завистники и недоброжелатели усматривают в этом совпадении, наряду с простотой и доходчивостью стиля, один из основных факторов головокружительной карьеры концепции общества риска в научных и, главным образом, вненаучных кругах. Впрочем, концепция успела уже стать объектом и достаточно суровой, но справедливой критики³⁴. Предметом критики послужило обилие внутренних противоречий и возведение одного из частных аспектов текущего развития в ранг магистрального направления эволюции мирового сообщества. Переход от отношений распределения собственности к отношениям распределения рисков в качестве основного источника и механизма структурирования общества провозглашается всеобщей и (почти) всё объясняющей тенденцией социального развития на современном этапе. Автор, явно влюбленный в свою концепцию, выводит из данной метаморфозы изменения, наблюдаемые в сферах социального структурирования, политики, брачно-семейных, трудовых отношений и т. д.³⁵ Очень сходная ситуация имеет место с другой популярной концепцией: за мнимым или действительным смещением центра тяжести от производства и распределения вещей к производству и распределению информации теоретикам общества знаний мерещится революция социальных отношений, коренным образом меняющая их **облик и природу**. Приводимые ими примеры³⁶ вполне убеждают в том, что изменение **облика** действительно имеет место. С изменением же **природы** дело обстоит далеко не столь очевидным образом. Вне поля зрения концепций общества знаний или общества риска остаётся как раз вопрос о сохранении, воспроизводстве и трансформации глубинных, недоступных для поверхностного наблюдения, собственно социальных структур, процессов и отношений власти, собственности, эксплуатации, исключения, отчуждения и т. п. Изменение технического, пространственного, физического и т. д. формата этих отношений, идёт ли речь о производстве, распределении и обмене вещами, рисками и информацией на локальном, региональном и глобальном уровне, ещё не даёт оснований судить об изменении их социального **содержания**. Энтони Гидденс, Ульрих Бек и Мануэль Кастельс полагают, что социальная структура и социально-структурные детерминанты политического поведения коренным образом изменились под действием процессов глобализации. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что эти представления являются не более чем результатом скандальной неинформированности их носителей о действительном положении дел с социальной струк-

³⁴ Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt/M, 1986; критика – Joas H. Kriege und Werte. Studien zur Gewaltgeschichte des 20. Jahrhunderts. Velbrück Wissenschaft: Weilerswist, 2000, S. 250–261; Storck V. Die «Zweite Moderne» – ein Markenartikel? Zur Ambiguität und Negativität der Gesellschaftsutopie von Ulrich Beck. Konstanz: UVK-Verl.-Gesellschaft, 2001; Žizek S. Die Tücke des Subjekts. Frankfurt/M: Suhrkamp, 2001. S. 461–480

³⁵ Beck U. Jenseits von Klasse und Stand // Beck U. & Beck-Gernsheim, E. (Hrsg.): Riskante Freiheiten. Individualisierung in modernen Gesellschaften. Frankfurt/M, 1994. S. 43–60; Beck U. & Beck-Gernsheim E. Das ganz normale Chaos der Liebe. Frankfurt/M: Suhrkamp, 1990; Beck U. Schöne neue Arbeitswelt. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1999.

³⁶ См., например: Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе / Ред. В. Иноземцев. М.: Academia, 1999. С. 101–128.

турой и её ролью в детерминации политического поведения на современном этапе. Если уж теоретики глобализации оказались не очень добросовестными и в некоторой степени невежественными в вопросе о социально-структурном её аспекте, это бросает тень сомнения на все остальные аспекты и компоненты их концепций³⁷.

Некоторая однобокость и поверхностность концепции общества риска претерпевают гипертрофию в работе Бека о глобализации. Книга построена как набор продолжительных и плохо согласованных между собой цитат из сборника работ по глобализации, вышедшего до этого под его же редакцией. Цитаты перемежаются краткими, но глубокомысленными рассуждениями сугубо номиналистически-дефиниционного характера о понятиях глобализма и глобализации. Кроме этого, автор заверяет нас в том, что глобализация – это вовсе не так уж и плохо, не повод для пессимистически-суицидальных настроений и поспешных действий по их реализации. Апофеозом же является конкретный пример того, что Бек понимает под глобализацией. Речь идёт о баварской пенсионерке, проводящей половину своего заслуженного отдыха в Кении. По мнению Бека, она является уже не жительницей Баварии или Кении, а гражданкой мира и носительницей глобальной идентичности³⁸. У российского комментатора книги возникает вполне резонный вопрос: а как же обстоит дело с кенийскими пенсионерами³⁹? Они также проводят половину своего времени, катаясь на лыжах на горных курортах Баварии? Стоит вспомнить в этой связи и о российских князьях, графьях, да и представителях большевистской элиты, весьма склонных к осуществлению своей деловой и рекреационной активности в некоторых европейских государствах. И возникает навязчивое подозрение, что процесс глобализации начался уже давно и застрельщиками его, а также предтечами мирового гражданства и космополитической идентичности явились упомянутые категории наших предков. Или, возможно, испанские конкистадоры и прочие представители относительно цивилизованных наций, пришедшие к народам Африки, Америки и Азии с мечом и Библией в руках? Или же крестоносцы, а также арабы, турки-османы, монголы и гунны, образцы цивилизационно-глобализационной активности так хорошо усвоили и воспроизвели на практике вышеупомянутые конкистадоры? Воспроизвели более систематично и основательно, как и полагается более просвещённым нациям, достигшим более высокой ступени цивилизационного развития.

Ещё один певец глобализации по-детски радуется возможности покупать разные экзотические блюда и предметы, не выходя за пределы своего квартала в Лондоне⁴⁰. За пределы квартала он, впрочем, охотно выходит, озабоченно мотаясь по тем самым странам, откуда происходят приобретаемые ими блюда, и просвещая тамошние элиты о сути и векторе протекания процессов глобализации. Имеет место, однако, подозрение, что подавляющее большинство обитателей этих экзотических стран не могут ответить взаимностью, приобретая аутентично английские блюда и систематически появляясь на берегах Темзы для консультирования британской элиты по вопросам правильной организации глобализационных процессов. Внешний формат отношений меняется с национального на глобальный, их же глубинные социальные асимметрии и нересипрокности остаются теми же. Глобализация странным образом оставляет их без изменения, если не считать таковым некоторое усугубление. В случае же Мартина Олброу явно имеет место подмена социального анализа облачением собственных непосредственных впечатлений и переживаний в наукообразную терминологию.

И совсем уж неприличной представляется профанация научного знания, перевод его из эпистемологического в докисический формат некоторыми представителями предельно вуль-

³⁷ Goldthorpe J. H. Globalisierung und soziale Klassen // Berliner Journal für Soziologie. 2003. N 3, S. 301–324.

³⁸ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма и ответы на глобализацию. С. 131.

³⁹ Филиппов П. Печальная глобализация: локальное без границ, глобальное без места. Послесловие к переводу У. Бека... М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 287

⁴⁰ Albrow M. Willkommen im Globalen Zeitalter // Pongs A. In welcher Gesellschaft leben wir eigentlich? Gesellschaftskonzepte im Vergleich. München: Dilemma-Verlag, 1999. S. 27–46.

гарного гегельянства и линейного эволюционизма. «Линейный» означает при этом за-, сверх- и беспредельную степень вульгаризации. В качестве примеров можно взять тезис о конце истории Фрэнсиса Фукуямы и комментирующий текст Владислава Иноземцева, провозглашающий наступление постэкономической эры⁴¹. Названные авторы столь же воодушевлены крушением восточного, он же социалистический, блока, сколь в своё время родители второго из них был воодушевлен его существованием и поступательным развитием. В этом экстатическом воодушевлении и с усердием, достойным лучшего применения, они продолжают обнаруживать «концы» классового общества и идеологии, исполнять реквиемы марксизму и коммунизму, вдохновляясь в этом примером Дэниела Белла и Ральфа Дарендорфа. Крушение восточного блока в этом свете предстаёт как кардинальный сдвиг в протекании глобализационных процессов. Пусть победа над ним и обозначается злыми языками как пиррова всего лишь пару десятилетий спустя⁴², после того как удалось основательно вкусить плоды этой победы на Балканах, в Африке и других регионах мира. Однако же она обеспечила утверждение в глобальном формате отношений рыночной экономики и конкурентной демократии, столь же безальтернативных, как пытались представить социалистический путь развития учёные его апологеты в эпоху развитого социализма. Последние были весьма усердны в выдаче желаемого (сильными мира того) за действительное, обещая наступление парадиза на земле в случае, если граждане будут вести себя соответственно указаниям этих самых сильных. Однако тем апологетам было далеко до Фукуямы. Сей «метафизический спекулянт» (по определению Эрика Хобсбаума⁴³, провозгласил в связи с позорным крахом социализма свершившийся факт наступления парадиза, хоть и в общих чертах, и нуждающегося ещё в частных поправках и улучшениях. Опынение успехом и пребывание в грёзах чревато тяжким пробуждением, которое и произошло под гром взрывов 11 сентября 2001 г. Вместе с пробуждением пришло прозрение, что «безальтернативная система» не может ни существовать, ни определить самоё себя без наличия альтернатив. Причём сжитая до того со свету белого альтернатива была отнюдь не самой неприятной, как это казалось во времена оны. 6. *Неравномерность как центральная характеристика развития, соотносимого с понятием глобализации.* Уточняя понятие глобализации с целью представления его в форме, позволяющей определить проблемную направленность научного исследования или дискуссии, можно говорить о неравномерности как одном из качеств, характеризующих процессы, соотносимые с сугубо неудачным понятием глобализации. Неравномерность эта имеет различные аспекты и измерения.

6а. Временной аспект. Нацеленность на достижение любой ценой максимально возможного на данный момент экономического роста как основы решения политических, социальных и прочих задач приводит к воспроизводству модели развития, характеризуемой чередованием этапов подъема и спада. Более разумной представляется политика, направленная не только и не столько на форсирование роста, сколько на обеспечение социальной и политической стабильности при его (роста) отсутствии и даже отрицательных показателях⁴⁴. Необходимость таких корректив обусловлена как экологическими мотивами, так и состоянием беспомощности, в котором оказываются нации, пережившие феномены так называемого «экономического чуда» (Германия, Япония, несколько раз – США и т. д.) и вступившие после этого в полосу спада. Данный сценарий вполне вероятно предположить и для России по истечении

⁴¹ Иноземцев В. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе / Ред. В. Иноземцев. М.: Academia, 1999. С. 3–64.

⁴² Priester K. Der neue Leviathan // Neue Gesellschaft/Frankfurter. Hefte N 6. 2003. S. 14–17.

⁴³ Hobsbawm E. Age of Extremes. The Short Twentieth Century 1914–1991. Abacus, 1995. P. 6.

⁴⁴ Для пояснения альтернативы можно сопоставить развитие Австралии, сохраняющей стабильные темпы медленного экономического роста на протяжении десятилетий, и Аргентины, где фазы 10-процентного роста на протяжении тех же самых десятилетий перемежаются фазами экономического спада (Godio J. The «Argentine Anomaly»: From Wealth through Collapse to Neo-Developmentalism // Internationale Politik und Gesellschaft. 2004. N 2. S. 130 и сл.).

действия макроэкономических факторов, связанных с повышением цен на нефть и некоторой активизацией рыночных стимулов экономического роста. Создание социальной, политической, инженерной и прочей инфраструктуры, ориентированной на постоянное и возрастающее вливание средств, чревато кризисными, а порой и социально-катастрофическими явлениями в ситуации, когда эти вливания оскудевают. На возможные катастрофические последствия культурного и политико-идеологического характера указывает произошедшая в промежутке между 1994 и 1998 гг. в России инверсия в соотношении ценностных предпочтений. Если в 1990 и 1994 гг. (до дефолта 1998 г.) процент предпочитавших свободу превышал долю сторонников безопасности в 2 раза, то в 1998 и 2002 гг. (после дефолта) наблюдалось обратное соотношение⁴⁵. Взаимосвязь между инверсией ценностных представлений и дефолтом остаётся гипотетической и требует специального изучения, однако слишком уж выразительны ассоциации с процессами взрывного формирования электорального потенциала национал-социалистической партии Германии в начале 30-х гг. минувшего столетия. Сходство в контексте: экономический кризис. Сходство в индикаторах настроений, лёгших в основу электоральных симпатий: карательные притязания, обострённое чувство безопасности. Предположительно, сходство в социальном профиле слоёв, наиболее подверженных формированию карательно-популистских ориентаций под воздействием угрозы материальному благополучию: средний класс⁴⁶. Фактор, смягчающий риск аналогичного развития в России: слабость и немногочисленность среднего класса.

Нынешняя специфика экономического развития, определяемая процессами в сфере виртуальной экономики с характерными для неё финансовыми кризисами, неуправляемыми финансовыми потоками и т. п., вряд ли дает основания ожидать стабильности и устойчивости. Следствием такого экономического развития является политическая ситуация перманентного пребывания на бочке с порохом. Реализацию связанных с этой ситуацией рисков в современном мире можно наиболее отчётливо наблюдать на примере внутри- и внешнеполитического курса США.

66. Пространственный аспект неравномерности состоит в том, что действия, направленные на обеспечение экономического роста в определенных регионах, имеют следствием неожиданные, непредсказуемые и подчас социально деструктивные процессы в иных регионах. Образование гетто в результате действия динамики рыночных отношений, колебаний цен на недвижимость и земельные участки выходит за пределы отдельных городов и государств и принимает глобальный характер. В частности, значительные пространства африканского континента превращаются в «фавеллы мира», а российская глубинка – в «хрущобы России».

Апологеты глобализации рынка, правда, в ответ на критику обострения пространственной неравномерности приводят убийственный контраргумент «сравнительных преимуществ». Этим контраргументом они пользуются как распытием против изысков лукавого, и обычно с тем же успехом. В самом деле, зачем культивировать зерновые там, где сочные луга позволяют с наименьшими издержками держать поголовье скота? И зачем держать скот там, где климат и почва позволяют получать невиданные урожаи зерновых с наименьшими издержками⁴⁷? Если каждый из отдельных видов продукции производить именно в той части планеты, где издержки производства его наиболее низкие, а потом обменивать, это, несомненно, приведёт к повышению уровня благосостояния планеты в целом. Нужно только устранить все возможные пре-

⁴⁵ Вопрос предполагал именно выбор между свободой и безопасностью: «Что бы Вы предпочли: государство, обеспечивающее свободу личности, что может приводить к уменьшению безопасности, или государство, которое обеспечивает больше безопасности, но ограничивает свободу личности?» (*Латин Н. И.* Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 86).

⁴⁶ *Kraushaar W.* Extermismus der Mitte. Zur Geschichte einer soziologischen und sozialhistorischen Interpretationsfigur // *Lohmann H.-M. (Hrsg.) Extermismus der Mitte. Vom rechten Verständnis deutscher Nation.* Frankfurt/M, 1991. S. 30 ff.

⁴⁷ Может быть, впрочем, чтобы уснащать навозом пашню?

пятствия на пути свободного обмена. Логика столь же железная, сколь и ограниченная условиями наличия дешёвого топлива, с использованием которого перевозятся товарные массы, включая навоз из скотоводческих регионов в сельскохозяйственные. А ну как топливо не будет таким дешёвым? Военно-полицейской защитой прав человека, «вбомбардировыванием» демократии, христианских ценностей и крестовыми походами против мирового зла можно лишь получить доступ к существующим запасам углеводородов, да и то не всегда. Увеличить же эти запасы такими методами вряд ли возможно, к вящему неудовольствию либерал-крестоносцев. В случае же удорожания топлива селения, ориентированные рыночными механизмами и стимулами на животноводство, только животноводство и ничего кроме животноводства, окажутся перед трилеммой. Либо они останутся при своих навозных массах без зерновых кормов, либо будут платить за доставку кормов на порядок дороже, нежели если бы они производили их у себя, либо же придётся восстанавливать инфраструктуру производства зерновых⁴⁸.

6 в. **Социально-пространственная неравномерность** находит свое наиболее яркое воплощение в «относительной депривации» свободы перемещения. Для определенных категорий граждан действительно устраняются границы, перед значительными же группами населения возникают (и искусственно создаются) всё новые экономические, административные и иные барьеры. Характерным примером является усиление визового и таможенного режимов в различных государствах под истерически-параноидальным предлогом борьбы с международной организованной преступностью, терроризмом, наркоторговлей и нелегальной миграцией. Демагогия и параноидальность состоят в заведомой неэффективности и зачастую – контрпродуктивности принимаемых мер. Реально выигрывают от них лишь организованные преступные группы, включая коррумпированные государственные инстанции, за счёт повышения цен на предлагаемые ими нелегальные услуги⁴⁹. В итоге, вместо расширения свободы передвижения, имеет место лишь модификация механизма селекции граждан на обладающих и не обладающих реальной свободой передвижения⁵⁰. Реальная свобода (также как и свобода «ночевать во дворце») достаётся на долю лиц, обладающих определённым экономическим статусом. На долю остальных, наряду со свободой «ночевать под мостом», приходится экономическое давление, заставляющее их покидать экономически дезорганизованные регионы проживания и искать заработок в роли официантов, грузчиков, проституток в экономически процветающих (пока ещё) уголках мира.

На счет экономических и административных барьеров следует отнести также сокращение реальных возможностей для путешествий значительных масс населения бывшего СССР, что усиливает и без того малоприятные эффекты относительной депривации. Параллельно расширению свободы передвижения для одних категорий населения происходит сужение таких возможностей для других. Директорат предприятий имеет гораздо больше возможностей для деловых и псевдоделовых поездок по всему миру, в то время как технический персонал, например уборщицы, не может позволить себе посетить родственников в бывших братских республиках либо отдохнуть на черноморском побережье. С принципами меритократии или соответствия между объёмом вознаграждения и социальной полезностью вознаграждаемых усилий это не имеет ничего общего. Содержание физического пространства в чистоте имеет значительно более высокую и явную социальную ценность, нежели засорение экономического, политического, социального и прочего пространства коррупционными транзакциями.

В качестве обоснования селективности эмансипации и либерализации активно педалируется тезис о расширении возможностей злоупотребления свободой по мере расширения самой

⁴⁸ Busse T. Ideologie mit Fakten widerlegen: Neues von den Globalisierungskritikern und ihren Gegnern // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte. 2004. N 6. S. 72.

⁴⁹ Тимофеев Л. Наркобизнес. Начальная теория экономической отрасли. СПб., 2001. С. 210, 235, 239.

⁵⁰ Подробнее см.: Bauman Z. Community: Seeking Safety in an Insecure World. Cambridge: Polity & Blackwell, 2001.

свободы и необходимости отсекают эти негативные возможности репрессивными методами. В современном понимании реальная свобода предстаёт в виде свободы выбора для немногих, которая умеет агрессивно защищать себя от злоупотреблений путем подавления свободы большинства.

6 г. Центральным является **функциональный аспект неравномерности**. Одно из проявлений диспропорциональности развития состоит в деградации систем социальной помощи, правовой защиты труда и иных правовых регуляторов социальных отношений с экспансией рыночных отношений в освободившиеся социально-регулятивные пространства. Однако в целом проблематика нарушения функционального баланса носит более общий характер. Отсутствие экономического роста ставит политическое руководство перед угрозой фиаско на выборах и атрофии фискальных источников финансирования социальной политики. В итоге политическая система последовательно превращается в заложницу экономического роста и придаток экономической системы. В основном она занята обеспечением бесперебойного протекания процессов (и эксцессов) обращения капитала и потребления. Данные процессы и эксцессы представляют собой *modus vivendi* и становой хребет экономической системы в её существующем виде при мнимом отсутствии жизнеспособных альтернатив после всемирноисторической победы капитализма над социализмом. Святая цель обслуживания экономических процессов оправдывает всё более широкий спектр средств, включая тоталитарные формы контроля, государственный террор и военные акции с грубым попранием международного права. Учитывая это, приходится признать, что продолжение наблюдаемых тенденций развития без внесения в них существенных коррективов открывает малопривлекательную перспективу становления общества, характеризуемого сочетанием стихии рыночных отношений, авторитарной политической системы и полуживых (в иной редакции полумертвых) институтов социальной помощи (наиболее близкий эмпирический коррелят данной конструкции представляет собой современный Китай). Заслуживает упоминания ещё один диссонанс в развитии отношений между различными системами в процессе так называемой глобализации. Глобальные товарно-финансовые рынки формируются семимильными скачками. В отношении международных рынков труда, развитие которых всемерно замедляется миграционной политикой, более уместно вести речь о черепаших темпах. В формировании же глобального правового пространства и развитии институтов международной политики с 80-х гг. истёкшего столетия и вовсе возобладали регрессивные (и репрессивные) тенденции.

7. *Мнозначность понятия глобализации и амбивалентность реального развития*. Границы понятия глобализации очень растяжимы, они могут вместить в себя неограниченное количество различных парадигм, направлений, перспектив и подходов. В результате теряются какие-либо чёткие ориентиры концептуальной привязки, дискурсивное поле становится диффузным. Создаётся иллюзия осуществления мечты теоретиков интегративной направленности – состояния сладкой гармонии, этакое концептуальное парадиза. Такого рода солидарность социальных аналитиков, согласившихся в принципе относительно философских основ и социальных функций социального знания, Дюркгейм определил бы как механическую. Она покоилась бы на гомогенности и (внешнем) согласии, – в отличие от органической, которая была бы построена на различиях, перманентном обмене, конфликтах, их разрешении и т. п. В данной конструкции, под всеобще-примирающей концептуальной крышей нашли бы своё место прежде непримиримые теоретические элементы микро– и макросоциологии, детерминизма и акционизма, структурного и волюнтаристского анализа и т. д. И волки целы и овцы сыты, только вот ситуация эта равнозначна прекращению того самого спора, в котором, как известно, рождается истина. Отсюда и высказанное уже выше предположение, что эксцессивная приверженность представителей социальной науки концепту глобализации является патологическим фактором в процессе автопойезиса научной коммуникации и препятствует адекватному выполнению социальной наукой своих функций в обществе.

Реальное развитие носит в высшей степени амбивалентный характер. Наряду с интеграцией наций, культур и регионов происходит дробление, распад прежде интегрированных систем⁵¹. Оба разнонаправленных процесса носят в разных случаях более или менее глубокий или, наоборот, поверхностный? всесторонний, или, наоборот, односторонний характер. Об интеграции с большей или меньшей долей осторожности можно говорить на примере Европейского союза или отношений между США и Мексикой. Дезинтеграционные процессы преобладают на пространствах бывшего Советского Союза, Югославии, Восточного блока в целом. Падение стен, занавесов и стирание границ (Берлинская стена, «железный занавес») тут же сопровождается возникновением новых: границ Шенгенской зоны и крепости «Европа» с отчётливо параноидальными системами визово-пропускного режима, стены между США и Мексикой, между Израилем и Палестиной. Одну сторону медали представляют собой случаи безнасиловственного урегулирования межнациональных и межгосударственных отношений, формирование глобального мышления и космополитизма. Другая её сторона – ренессанс самых «диких» форм национализма и трибализма, межцивилизационных конфликтов, терроризма и антитеррора⁵². Сердцевину этой амбивалентности составляет всемерное укрепление границы, которая имеет порой реально физическое, порой виртуальное, порой социально-пространственное оформление. Она проходит между государствами и внутри них, в пределах отдельных городов, в домах, в головах и межличностных отношениях. Речь идёт о границе между *включёнными* в функциональные системы общества и *исключёнными* из них индивидами и группами населения. Понятие глокализации несёт в себе скорее уход от проблем, вытекающих из амбивалентности, нежели какую-либо из альтернативных возможностей решения этих проблем. То, что глобализация сопровождается локализацией и наоборот, истина столь же пустая и формальная, как и наличие двух сторон у любой медали.

8. *Альтернативные теоретические проекты.* Помимо процессов, соотносимых с понятием глобализации, наблюдается целый ряд иных, содержание которых лучше покрывается или передаётся другими понятиями. Они могут частично пересекаться со смысловым полем концепции глобализации или находиться в совершенно иной смысловой плоскости, не имея с глобализацией решительно ничего общего. В качестве примеров можно назвать, в частности, усиление процессов *включения/исключения*. Они имеют направленность, обратную интеграции, однако социальный смысл их не укладывается в русло дискурса глобализации, большей частью своей относясь к дискурсивной сфере проблем неравенства, угнетения, маргинализации⁵³. Другой пример – *освобождение или выпадение* индивидов из идентификационных каркасов классовой, религиозной, национальной, гендерной и иной принадлежности, в результате чего на долю индивида приходится свобода и необходимость самостоятельно определять свою идентичность, принимая при этом решения, не по дающемуся просчёту и предвидению. Некоторые усматривают основной вектор развития человечества в расставании с любимыми большими сказками, рассказами и иллюзиями, а также надеждами на обладание критериями различения добра и зла, лжи и истины, красоты и безобразия. Другие говорят о вытеснении насильственных образцов взаимодействия и гегемониального обеспечения собственных индивидуальных и групповых интересов делиберативными формами нахождения консенсуса в процессе рациональных дискурсов. Менее оптимистичным является диагноз усиления центробежных тенденций различных функциональных subsystemов общества, каждая из которых

⁵¹ Bauman Z. Community: Seeking Safety in an Insecure World. Cambridge: Polity & Blackwell, 2001.

⁵² Говорить о дикости национализма и трибализма можно только в кавычках, поскольку явления эти являются такими же плодами цивилизации, как, скажем, и пытки, этнические чистки, концентрационные лагеря и ядерные бомбардировки.

⁵³ Следует оговориться, что проблематика включения/исключения понимается здесь в ином смысле, нежели Беком / Гидденсом, которые усматривают в ней нивелирование традиционных классовых различий распределения жизненных шансов и рисков – риск исключения якобы не зависит от классовой принадлежности и одинаков для представителей всех классов и сословий (Goldthorpe J. H. Globalisierung und soziale Klassen... S. 308).

обладает собственной логикой и рациональностью, «оперативно закрыта» для других субсистем при отсутствии какого-либо начала, механизма или посредника, способного объединить субсистемы в единое целое или обеспечить их взаимное понимание. Можно вспомнить ещё целый ряд теоретических предложений с префиксами «пост» и «нео» (постиндустриализм, постматериализм, постфордизм и т. д. и т. п.).

Ряд концепций текущего развития предложен с позиций социальной критики, в наибольшей степени разделяемых автором данной работы. Авторство одной из таких концепций принадлежит Зигмунту Бауману, наблюдающему становление «общества потребителя» (*consumer society*)⁵⁴. В таком обществе роль центральной детерминанты социального статуса и идентичности в возрастающей мере переходит от места в системе отношений производства к месту в системе отношений потребления. Ответы на вопросы «кто я есть, и в какой степени я заслуживаю социального признания» выводятся не из того, что и с каким успехом я произвожу, а из того, что и с каким успехом я потребляю. Достаточно яркой иллюстрацией данного развития является повышение социального статуса лиц, занятых в сфере финансовых спекуляций или же разного рода звёзд шоу- и порнобизнеса по отношению к лицам, занятым в сфере материального производства, не говоря уже о социальной сфере⁵⁵. Можно, конечно, предположить, что относительный рост статуса звёзд и спекулянтов связан с повышением социальной оценки их услуг и заслуг, общественной полезности и вклада в общее благо. Это означало бы, что характер производственной активности по-прежнему определяет социальный статус, признание и самопризнание. Однако Бауман предлагает иное объяснение, более шадящее имидж общества. Согласно ему дело вовсе не в социальной ценности и общественной полезности услуг и заслуг – эти обстоятельства просто теряют свою значимость на фоне возрастания роли количественных и качественных параметров потребления. Данные наблюдения находятся во фронтальном противоречии с концепцией постматериалистического изменения структуры ценностей (ожесточенно полемизирует против данной концепции также Дорис Люкес⁵⁶).

Эксплицитный вызов другой, менее популярной и более фундаментальной теоретической конструкции – концепции дифференциации функциональных подсистем общества – содержит тезис Зигхарда Неккеля о становлении рыночного общества⁵⁷. Речь идет не об обществе, экономическая система которого функционирует на основе рыночных принципов, да и не об экономике вообще. Предметом критического анализа является экспансия экономических отношений в иные жизненные сферы и системные области: политику, искусство, право, науку и т. д. Этот процесс обладает обратной направленностью по отношению к дифференциации и взаимному закрытию функциональных систем – развитию, нашедшему воистину грандиозное теоретическое и эмпирическое обоснование в работах Никласа Луманна. Код экономической коммуникации вытесняет собственные структурные принципы функционирования иных систем и подчиняет их себе. Ближайшей медицинской аналогией данных мутаций являются злокачественные новообразования и процессы их метастазирования. Неккель рассматривает культурные импликации данного процесса, характеризуемого более политизированными авторами как становление и развитие рыночного тоталитаризма⁵⁸.

⁵⁴ Bauman Z. *Consumer Society and the New Poor*. Open University Press, 1998.

⁵⁵ В этой связи вспоминаются скандальные результаты опросов учащихся средних школ в России в 1990-е гг. по вопросу престижности профессий и сфер занятости. В частности, профессия проститутки занимала лидирующие места у девочек, а профессия рэкетира – у мальчиков, намного превысив, скажем, рейтинг профессора.

⁵⁶ Lukes D. *Wirklichkeitskonstruktion als Ware: Der «Wertewandel» in der westlichen Welt* // *Internationale Politik und Gesellschaft*. 2000. N 4. S. 389–398.

⁵⁷ Neckel S. «Leistung» und «Erfolg». *Die Symbolische Ordnung der Marktgesellschaft* // Barlosius E.; Mueller H.-P. & Steffen S. (Hrsg.) *Gesellschaftsbilder im Umbruch. Soziologische Perspektiven in Deutschland*. Opladen: Leske und Budrich, 2001. S. 255; Зак Ф. Экономические подходы в уголовной политике // *Уголовное право*. 1999. № 1.

⁵⁸ Barber B. R. *End of Democracy? Privatisierung korrumpiert die res publica* // *Neue Gesellschaft/Frankfurter Hefte*. 2004. N 1, 2. S. 12; Forrester V. *Die Diktatur des Profits*. München: Deutscher Taschenbuch Verl., 2002; Golbert V. *Innere Sicherheit*

Наконец, один из теоретических проектов основан на констатации признаков ревизии (в одностороннем порядке) достигнутого ранее компромисса между трудом и капиталом. Эти признаки все более отчетливо проявляются в развитых (пост?) индустриальных странах, начиная со второй половины 70-х гг. прошлого столетия. Процесс ещё явно не получил достойного теоретического осмысления и не встретил должного практического сопротивления. Начало его ассоциируется с именами и политикой Маргарет Тэтчер и Рональда Рэйгана. Возглавлявшиеся названными лицами администрации нанесли мощные удары по профсоюзам, и без того ослабленным уже в результате пост- и деиндустриализации. Они облагодетельствовали работодателей существенными налоговыми льготами и осуществили значительное сокращение правовой защиты труда и социальной помощи⁵⁹. Государство сбросило овечью шкуру нейтралитета в отношениях между трудом и капиталом (между профсоюзами и работодателями) и встало на позиции защиты интересов имущих классов. Эта метаморфоза имела уголовно-политические аспекты. Уголовная репрессия всегда характеризуется селективным преследованием преимущественно низших слоёв общества. Опять же всегда она является средством воздействия на симптомы существующих диспропорций в социальных отношениях. Основная цель такого воздействия – реальное и показное устранение необходимости воздействия на сами диспропорции: уголовная репрессия является альтернативой социальной защите и социальному реформированию. Поэтому усиление репрессии вписывается в контекст консерватив но-реакционной политики, направленной на защиту интересов имущих классов от претензий классов неимущих. Не углубляясь в подробную характеристику данной смены приоритетов и ориентаций, можно привести следующую её характеристику: «На место ... баланса между предпринимательским успехом и общественным благом пришло краткосрочное повышение курса акций, паевой стоимости (*shareholder value*) и доходов управленческого (менеджерского) персонала, которое оттеснило на задний план все остальные макроэкономические и общественные ценности, в частности, сохранение и создание рабочих и учебных мест»⁶⁰. Приход либеральных администраций на смену консервативным не изменил данного курса, в связи с чем есть основания полагать, что речь идёт о чём-то большем, нежели кратковременные колебания политической конъюнктуры. Дискурс глобализации пришёлся очень ко двору модернизаторам от социал-демократии. Он предлагает оправдания. Оправдываться же есть в чём: в ревизии собственных программных позиций, в политической картеллизации с отрывом от собственного социального базиса, в курсе на демонтаж социального государства и продолжении неолиберального курса дерегулирования и флексибилизации (или, пользуясь выражением Пьера Бурдьё, флексплатации). Всё это происходит под давлением мнимо «объективных» процессов глобализации⁶¹.

9. *Нищета интеграционизма и иные познавательные-теоретические импликации*. Итак, мы имеем дело с несколькими альтернативными видениями, описаниями и осмыслениями текущего развития. Каждое из них более или менее убедительно характеризует какой-либо из аспектов действительности и в каждом же заложен некоторый потенциал собственной абсолютизации, узурпации ранга единственно верной теории. Такая теория претендовала бы на «объективное» отражение «истинного» положения дел, исключая альтернативы, способные в равной степени претендовать на «истинность» и «объективность». Каждая из пере-

in unterschiedlichen gesellschaftlichen Kontexten. Lit-Verl.: Münster-Hamburg-London, 2003. S. 175 и сл.

⁵⁹ Всё это должно было принести экономическое оздоровление и создание новых рабочих мест. С уверенностью можно говорить только о некоторых относительно устойчивых эффектах экономического оздоровления лишь в Объединённом королевстве. В Соединённых же Штатах ожидаемые эффекты либо не наступили вообще, либо носили очень непродолжительный характер – возможно, отчасти, потому, что здесь программа неолиберальных экономических реформ проводилась в жизнь наиболее последовательно и однобоко.

⁶⁰ Demuth Ch. & Fries J. Eine neue Tugend – sozialer Patriotismus // Neue Gesellschaft/Frankfurter Hefte. 2004. N 6. S. 4.

⁶¹ Blyth M. Globalization and the Limits of Democratic Choice. Social Democracy and the Rise of Political Cartelization // Internationale Politik und Gesellschaft. 2003. N 3. S. 60–82.

численных выше концептуальных моделей пользуется более или менее широким признанием в научном и популярности во внеучном сообществе, политической и идеологической конъюнктурой. Каждая обладает некоторой внутренней непротиворечивостью, собственной определённой понятий; каждая относительно идиосинкратична (закрыта) и **лишь в некоторой степени** совместима с альтернативными теоретическими конструкциями. Последнее обстоятельство указывает на невозможность интеграции их в некую единую метасистему, объединяющую постмодернизм, неомарксизм, теорию рефлексивной современности и общества как коммуникации и т. д. Плодом такой гибридизации может быть лишь лоскутное одеяло. Под ним, возможно, тепло спать, но оно не способно дать внутренне непротиворечивой картины действительности. Логическая интеграция альтернативных теоретических проектов, подведение их под общий знаменатель представляется делом бессмысленным и бесплодным, невыполнимым или выполнимым лишь ценой профанации, выхолащивания и нивелирования их аутентичного смысла, сведения к бессодержательной абстракции вроде принципов самоорганизации или диалектики⁶².

Из сказанного вытекает отрицание теорий научного познания как «отображения» или «соответствия» (*Korrespondenz- und Abbildungstheorien*). Такие теории предполагают, что наука стремится предложить картину действительности, «как она есть»⁶³. Подобная картина явилась бы изображением огромного количества гетерогенных элементов и взаимосвязей между ними, разобраться в которых не было бы никакого реального шанса. Слабое приближение представлял собой мультифакторный подход в криминологии, в рамках которого была предпринята попытка привести в систему все биологические, психические и социальные факторы, детерминирующие преступное поведение. Попытки были оставлены, когда число лишь наиболее важных факторов достигло четырёхсот, не поддающихся обзору, не укладывающихся в единую концептуальную схему и поле зрения. То, что делает наука, это не моделирование действительности «как она есть», не отражение, а разложение её на элементы и рекомбинация (*Auflösung und Rekombination*)⁶⁴. При этом происходит отбор более от менее важного (или релевантного в рамках данной референтной или концептуальной системы). Очевидным является хотя бы факт, что в действительности нет каких-либо естественных границ между той же биологической, физической, социальной и психической реальностью: границы эти являются результатом именно акта разложения, о котором пишет Луманн. Теперь давайте представим себе «общенаучную» картину реальности, нарисованную без данного дисциплинарного разграничения – это будет либо предельно поверхностная картина, либо же не поддающийся восприятию и осмыслению конгломерат гетерогенных элементов.

В основе разложения и рекомбинации лежит не «объективный» смысл исследуемых явлений и процессов, а критерии собственно научной коммуникации⁶⁵. Эти критерии определяют, какие аспекты и взаимосвязи выделяются из всей бесконечной их массы, составляющей объект познания, «объективную» действительность или внесистемную (по отношению к науке)

⁶² Это же относится к попыткам создания междисциплинарных, например социо-биологических или социопсихических, моделей конкретных эмпирических феноменов, например преступного поведения. Если кто-то сомневается, пусть попробует предложить единое понятие социальной структуры, применимое в концептуальной конструкции, объединяющей марксистскую классовую теорию и теорию функциональной дифференциации Луманна (или уж, тем более, интегрировать марксизм с теорией модернизации).

⁶³ Luhmann N. Die Wissenschaft der Gesellschaft. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1995. S. 52; Sack F. Akteursmodelle in den Sozialwissenschaften // Kunz K.-L. & Besozzi, C. (Hrsg.) Soziale Reflexität und qualitative Methodik. Zum Selbstverständnis der Kriminologie in der Spätmoderne. Haupt Verl. Bern et al., 2002. S. 78.

⁶⁴ Luhmann N. Die Wissenschaft der Gesellschaft.

⁶⁵ Важное отличие от кантовских априорных категорий состоит в том, что данные критерии возникают и трансформируются в процессе коммуникации, являясь её предпосылками в той же степени, что и её продуктом. С постмодернистским «anything goes» это также не имеет ничего общего, поскольку критерии достаточно жёстко детерминируют протекание коммуникации, позволяя различать между смыслом и бессмыслицей, истиной и «неистинной» (с точки зрения этих критериев, а не соответствия «реальному» положению дел в мире).

среду. Какие аспекты и взаимосвязи, и в какой комбинации между собой объявляются центральными, важными, системообразующими, определяется тем, через призму каких ключевых понятий наблюдается действительность, а не тем, какие элементы её являются центральными и важными, и как они взаимосвязаны «на самом деле». «На самом деле» или во внеучной действительности не существует важности и центральности, количество же взаимосвязей столь велико, что важнейшей задачей является их селекция с точки зрения не их имманентных признаков, а критериев, имманентных научной коммуникации или наблюдению.

Предложенное понимание отношений между познанием и действительностью, разумеется, является лишь одним из возможных, а не единственно верным. Представляется, однако, что оно достаточно продуктивно и в то же время недостаточно воспринято в научной среде, занятой в подавляющей своей массе разработкой моделей «действительных» отношений в пределах предмета познания. Продуктивно оно, в частности, для понимания отношений между альтернативными теоретическими проектами. Рассматриваем ли мы текущее развитие через призму понятия глобализации, а социальную структуру с использованием понятия классов или же сетевых структур, определяется не **«объективно» преобладающим** вектором некоего развития. Выбор диктуется тем, **считаем ли мы преобладающими** процессы интеграции, стирания или же, наоборот, обострения социальных противоречий; занимаем ли скорее социально-критическую позицию по отношению к существующим отношениям власти и собственности, или, напротив, занимаемся их апологией⁶⁶.

10. *Идеологичность глобализационного дискурса.* Протекание научной коммуникации и кодирование тезисов как истинных либо неистинных, значимых либо незначимых и т. д. детерминировано собственной структурой этой коммуникации. В этом нет ничего предвзятого или ненаучного, если происходит рефлексия оснований для занятия тех или иных позиций, принятия тех или иных понятий в качестве исходных или ключевых. В идеальном случае такие основания формируются в сфере научной коммуникации, исходя из её собственной системной логики. Однако в реальности идеальных случаев не бывает, и в решение научных вопросов неизбежно привлекают экономические, политические и культурные факторы и мотивы. Признание значимости таких внешних влияний принципиально несовместимо с системно-теоретической концепцией познания Луманна, как это он сам утверждает вполне эксплицитно и многократно. Выход за пределы его концепций не обязательно предполагает оспаривание автономии и оперативной закрытости систем. Напротив, их можно признать для того, чтобы тут же отвлечься от них и обратиться к вопросам взаимопроникновения и взаимозависимости систем. В таком случае мы исходим из картины мира с гораздо более прозрачными межсистемными границами и гораздо более интенсивным взаимодействием между системами, нежели это допускается теорией Луманна и предложенным в ней понятием структурных сочленений (*strukturelle Kopplungen*

⁶⁶ Это отнюдь не освобождает нас от необходимости обоснования собственных позиций, решений в пользу тех или иных категорий и представлений о значимости. Напротив, эта необходимость существенно усугубляется в рамках предлагаемой парадигмы познания. Однако решающим аргументом такого обоснования становятся не отношения вне научной коммуникации, независимые от неё; и не соответствие научных конструкций таким внешним отношениям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.